

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 682–690, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3+811.512.31

Квасисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке

Надежда Баировна Даржаева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Синтаксис сложного предложения в языках алтайской языковой общности характеризуется наличием большого количества синонимических конструкций, которые на определенном этапе их изучения следует дифференцировать с целью, во-первых, выявления системообразующих оппозиций, во-вторых, определения вектора развития конкретной конструкции. Гипотеза исследования состоит в признании таких конструкций квазисинонимическими, т. е. не полными синонимами, различающимися теми или иными оттенками значения или стиля. В статье впервые в монголоведении предпринимается попытка дифференциации квазисинонимических полипредикативных конструкций со значением уступки. В современном бурятском языке уступительно-противительные отношения выражаются четырьмя разноструктурными конструкциями: с деепричастием на *-башье*, с частицами *haa* и *-шье*, с уступительно-противительной скрепой *aad*, бифинитной конструкцией со скрепами на базе служебного глагола говорения *гэ-*. *Материалы и методы.* Материалом исследования послужили примеры из бурятских художественных произведений, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка. Использование методов контекстного анализа, интроспекции и лингвистического эксперимента позволило вскрыть ранее не описанные дифференциальные признаки. *Результаты.* Нам удалось выявить разного рода семантические оттенки: принципиальная монотематичность, расширенный временной интервал между событиями, осложнение модальным компонентом. Таким образом, дифференциация квазисинонимических конструкций способствует уточнению и нормированию отношений между ними.

Ключевые слова: уступительные конструкции, стилистическая и семантическая дифференциация, квазисинонимические полипредикативные конструкции, синтаксис монгольских языков

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации № ААА-А-А17-117021310266-8).

Для цитирования: Даржаева Н. Б. Квасисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке. Oriental Studies. 2019;(4):682-690. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690.

Quasi-Synonymous Concessive Constructions in the Buryat Language

Nadezhda B. Darzhaeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The syntax of the complex sentence in Altaic languages is characterized by a large number of synonymous constructions. *Goals.* The paper seeks to differentiate the synonymous constructions, firstly, to systemically identify important oppositions and, secondly, to determine development vectors of certain constructions. The study hypothesizes such constructions as actually quasi-synonymous, i.e. those are not complete synonyms and differ in shades of meaning or style. For the first time in Mongolian studies, the paper attempts to differentiate quasi-synonymous poly-predicative constructions with concessive meanings. In modern Buryat, concessive-adversative relations are expressed by four structurally different constructions, namely: ones containing adverbial participles ending with *-bashye* (*-башье*), ones with the particles *yaa* and *-shye* (*haa*, *-шье*), ones with the concessive-adversative particle *aad* (*аад*), and ones containing the bifinite construction with particles on the basis of the service verb of saying *-ge* (*гэ-*). The study investigates examples from Buryat imaginative literature placed in the online Buryat corpus. *Methods and results.* The use of methods of contextual analysis, introspection and linguistic experiment makes it possible to identify various semantic shades, such as principal mono-subjectivity, an extended time interval between events, and a complication with the modus component. Thus, the differentiation of quasi-synonymous constructions contributes to the refinement and rationing of relations between them.

Keywords: concessive constructions, stylistic and semantic differentiation, quasi-synonymous poly-predicative constructions, syntax of Mongolic languages

Acknowledgements: The research was conducted within the state assignment of FASO of Russia (project XII.193.1.5. 'Mentality of Mongolic Peoples in the Mirror of Language'. State Reg. No. AAAA-A17-117021310266-8).

For citation: Darzhaeva N. B. Quasi-Synonymous Concessive Constructions in the Buryat Language. *Oriental Studies*. 2019;(4): 682-690. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690.

Введение. В современном языкознании есть немало работ, посвященных уступительному смыслу. В. Ю. Апресян в своей статье «Уступительность как системообразующий смысл» [Апресян 2006: 87] выделяет два важнейших подхода в исследовании этого смысла: семантический (реализован в работах: [König 1991; Ляпон 1986; Теремова 1986; Храковский 1998; Урысон 2002]) и риторический (реализован в работах [Wierzbicka 1987; Арутюнова 1988; Паршин 1988; Булыгина, Шмелев 1997]). Первые анализируют прежде всего семантику отдельных уступительных единиц, вторые — их роль в построении диалога и полемики.

Уступительными называются сложные отношения, сочетающие компоненты причинного, условного и противительного значений (несоответствие ожиданиям) и отображающие неестественное, конфликтное сосуществование или следование ситуаций [Типология уступительных ... 2004: 10] — 'хотя..., но'. Подобное определение находим и у Л. Г. Валиевой: «Уступительные отношения строятся на противопоставлении двух ситуаций, формируются на базе условных, причинно-следственных, противительных значений» [Валиева 2014: 103].

Уступительные предложения традиционно включаются в группу предложений

обусловленности, но при этом они противопоставляются причинно-следственным, целевым и условным, основанным на идее порождения ситуации-2 ситуацией-1. Некоторые исследователи не согласны с тем, что уступительные отношения входят в круг значений обусловленности, считая, что «уступительное значение на эту идею не опирается, а скорее отталкивается от нее, поскольку ситуация-2 возникает в этом случае вопреки существованию ситуации-1, которая является не порождающей ситуацией-2, а так или иначе препятствующей ее реализации. По существу, уступительные отношения есть отношения „антиобусловленности“» [Шувалова 1990: 55].

В ситуации уступки естественно ожидаемое следствие опускается, и по какой-то превосходящей причине происходит иное событие-следствие. Другими словами, обязательным компонентом уступительности признается смысл «вопреки ожидаемому» [Русская грамматика 1980: 586; Ляпон 1986: 137]. В пресуппозиции говорящего существует некая ожидаемая связь (априорная истина по определению М. В. Ляпон [Ляпон 1986: 137]), которая не находит выражения в высказывании, а постулируется совершенно противоположная истина — актуальная.

Как пишут авторы монографии «Типология уступительных конструкций», «концепт ‘уступительное значение’ является родовым и реализуется в виде концептов ‘причинно-уступительное значение’ и ‘условно-уступительное значение’, причем последний концепт представлен двумя разновидностями: ‘реальное (выполнимое) условно-уступительное значение’ и ‘ирреальное (невыполнимое) условно-уступительное значение’» [Типология уступительных... 2004: 14].

Отметим еще, что в русской грамматике отдельно рассматриваются уступительные конструкции (подчинительные) и противительные (сочинительные). Для бурятского языка противопоставление сочинения и подчинения структурно нерелевантно; серьезных семантических оснований за этим противопоставлением нет, только прагматические (большее логическое ударение на первой части — уступка — или на второй части, противительность). Поэтому мы рассматриваем такие конструкции вместе. Материалом для исследования послужили при-

меры из бурятских художественных произведений, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка (ЭКБЯ).

Основная часть

В современном бурятском языке уступительно-противительные отношения выражаются следующими конструкциями:

1. С уступительным деепричастием на *-бАшье*:

(МСФ) [...V-*бАшье* (ГПЕ)] ‘хотя’

(РСФ) [(N-NOM/GEN↔ V-*бАшье*) (ГПЕ)] ‘хотя’.

2. С условной частицей *haa* и уступительной частицей *-шье*:

[(N-GEN↔) V-PC-*шье*-(NEG) *haa*-a-POSS) (ГПЕ)] ‘хотя (не)’.

3. С уступительно-противительной скрепой *aad*:

[(N-NOM↔) V-PC-(NEG) *aad*) (ГПЕ)] ‘хотя (сначала), но (потом)’.

4. Бифинитной конструкцией со скрепами на базе служебного глагола говорения *гэ*- в уступительных формах, чаще всего — с показателем уступительного деепричастия:

(ПЕ) *гэбэшье* ~ *гэһэн aad*~ *гээшье haа* (ПЕ).

Отметим, что все уступительные конструкции однозначно специализированы — в первую очередь за счет присутствия уступительной частицы *-шье*.

Все четыре конструкции являются устойчивыми квазисинонимическими единицами. Две первые конструкции в современном бурятском языке являются чрезвычайно частотными и конкурентными между собой (около 800 примеров в ЭКБЯ на каждую). Однако Н. Н. Поппе в 1938 г. в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» писал о принадлежности уступительной формы на *-бАшье* баргузинскому, цонгольскому, сартульскому, боханскому и эхиритскому говорам, а формы *-шье haа* — литературному языку, агинскому и западным говорам [Поппе 1938: 226].

Скрепка *aad* рассматривается в числе причинных (причина с несоответствием ожиданиям); но причинное значение у нее вторично, а противительное — первично, поэтому ее нельзя считать неспециализированной. Это естественное следствие того, что уступительное значение является исторически поздним, сложным и комбинированным.

Итак, конструкция с деепричастием на *-бАшье* обычно передает действие, произошедшее и завершившееся незадолго до наступления главного, но еще актуальное на

момент его наступления. Отличительными чертами этой конструкции являются книжное употребление и выражение подлежащим только 3-го лица:

- (1) *Дунд-аа* *тэдэ-нэй* *хэлсэ-һэн* *үг-ые* *хоёр*
 середина-refl они-gen говорить-рс.pst слово-асс два
шэх-ээр-ээ *дуула-башье,* *Нина* *этигэ-бэ-гүй.*
 ухо-ins-refl слышать-cvb Нина верить-pst-neg [3sg/pl]
 ‘Хоть и слышала своими ушами слово, сказанное ими между собой, Нина не пове-
 рила’² [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл нютагһаа холо*. 1958].

С формами длительности в зависимой части события ЗПЕ и ГПЕ происходят одновременно:

- (2) *Катер* *онгосо* *холошог* *тамар-жа* *яба-башье,*
 катер лодка далеко плавать-cvb аух-cvb
тэрэ-нэй *мотоор-ынь* *уһан* *дээгүүр* *холуур*
 он-gen мотор-poss3 вода pstp далеко
сууряата-ха *юм.*
 раздаваться-рс.fut pcl
 ‘Хотя катер плывет далеко от берега, звук его мотора далеко раздается над водой’
 [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973].

В конструкции с причастиями в сопровождении сочетания *-шье һаа* самой частотной является форма *-АА-шье һаа* (напомним, что Д. Д. Амоголонов и Т. А. Бертагаев уже предлагали считать ее уступительным деепричастием [Амоголонов 1958: 213; Бертагаев 1968: 27]. Ранее диалектная разговорная форма переходит в литературный язык в связи с выбором хоринского диалекта в качестве его основы. У этой конструкции самая широкая сфера употребления: она встречается со всеми тремя типами значений (причинно-уступительное,

условно-уступительное реальное и ирреальное). Это не случайно — морфологически она производна от условной конструкции за счет введения уступительной частицы *-шье*. Условия появления этих трех вариантов значения близки тем, что были описаны для тюркских языков [Типология уступительных... 2004: 425–452]: здесь важна форма сказуемого главной части. Так, формы не-будущего времени (прошедшего, настоящего, настоящего расширенного) однозначно задают причинно-уступительное значение:

- (3) *Дабаа-Жалсан* *табан* *кило* *табан* *зуун* *грамм*
 Дабаа-Жалсан пять кило пять сто грамм
нооһо *хайшал-аа-шье* *һаа,* *мүрүсөөн-дэ* *адагай*
 шерсть состригать-рс.prs-pcl pcl соревнование-dat последний
һуури *эзэл-нэ* *ха* *юм.*
 место занимать-prs pcl pcl [3sg/pl]
 ‘Дабаа-Жалсан хотя и состригает пять килограммов пятьсот граммов шерсти, а в соревновании занимает последнее место’ [ЭКБЯ. Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн*. 1979].

Кроме того, в отличие от деепричастной конструкции, подлежащее здесь может выражать 1 и 2-е лицо.

Однако намного чаще встречаются при-

меры с отрицанием в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) — в них, как нам представляется, выражается более жесткая связь между событиями, близкая к ‘несмотря на’:

¹ Здесь и далее перевод мой. — Д. Н.

- (4) *тэдэ-нэр* *үшөө* *нэгэ* *хон-оод* *лэ,* *эсэгэ-тэ-еэ*
они-pl еще один ночевать-cvb pcl отец-com-refl
уулз-аа-гүй-шье *haa,* *буса-ха* *гэжэ*
встречаться-рс.prs-neg-pcl pcl возвращаться-рс.fut comp
ишидэ-бэ-д
решать-pst-pl
‘Они переночевали еще одну ночь и, хотя и не встретились со своим отцом, решили вернуться’ [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973] — решение далось нелегко.

- (5) *Арга* *хээ-гүй-шье* *haa,* *үбшэн-ше-нь*
лечение делать:рс.prs-neg-pcl pcl болезнь-acc-poss3
хүнгэн *болг-оо-т*
легкий делать-рс.prs-2pl
‘Хотя Вы и не лечили, но облегчили ему болезнь’ [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл ню-тагхаа холо*. 1958] — даже без лечения облегчил состояние.

Формы будущего времени и императива в главной части задают условно-уступительное реальное прочтение конструкции:

- (6) *Энэ* *ороолон шүдхэр-эй* *эхэнэр* *шэнги* *хоолой-гоор*
Этот упырь-gen женщина pstp голос-ins
хашихар-аа-шье *haa-нь,* *таанад* *бү* *ер-ээрэй-гты!*
кричать-рс.prs-pcl pcl-poss3 вы neg приходить-imp-2pl
‘Даже если этот упырь закричит женским голосом, вы не приходите!’ [ЭКБЯ. Шадаев А. *Алтан үндэгэн*. 1967].

Как видим, в отличие от предыдущей группы примеров, здесь в зависимой части задается не единственная «антипричина», а альтернативная пара возможностей — упырь может закричать, а может и не закричать, но в любом случае приходить нельзя. Еще пример с 1-м лицом подлежащего:

- (7) *Бидэ* *хурдан* *морин-ой* *хойнохоо* *гүй-гөө-шье* *haa,*
мы быстрый конь-gen pstp бежать-рс.prs-pcl pcl
хээзэ-шье *түрүүл-хэ-бди*
когда-pcl обгонять-рс.fut-1pl
‘Даже если мы побежим за быстрым конем, в любой момент обгоним’ [ЭКБЯ. Шадаев А. *Алтан үндэгэн*. 1967].

Значение акцентированного утверждения выражается, как и в русском языке, контекстно: «... ситуация, представленная в придаточной части, имеет гиперболический характер и часто вообще отвергается. Тем самым усиливается убедительность утверждаемого в главной части» [Русская грамматика 1980: 589]. Пример:

- (8) *Намайе* *мянга-шье* *дахин* *ур-яа* *haa-и*
меня тысяча-pcl раз приглашать-рс.prs pcl-2sg
ошо-хо-гүй-б
идти-рс.fut-neg-1sg
‘Даже если хоть тысячу раз ты меня пригласишь, я не пойду’ [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. *Эй даа, Базар, Базар*. 1966].

Наконец, формы сослагательного наклонения в главной части задают ирреальное условно-уступительное значение:

- (9) ...*Эсэг-ые-шни* *үдэшэ-жэ* *ошо-хо* *hanaa-тай-шье*
отец-acc-poss2sg провожать-cvb идти-pc.fut желание-prop-pcl
- haa-мни,* *бархир-даг,* *муу ёртой* *ухибүү-е-мни*
pcl-poss1sg плакать-pc.hab вредный ребенок-acc-poss1sg
- хэн* *haхи-жа* *үлэ-хэ* *бай-гаа-б* *даа*
кто присматривать-cvb оставаться-pc.fut aux-pc.prs-pcl pcl
- ‘Даже если бы я хотела сопровождать твоего отца, кто остался бы присматривать за моим пласивым, вредным ребенком?’ [ЭКБЯ. Тулаев В. *Алтан хараасгай*. 1979].

Полисемантическая скрепа *aad*, традиционно называемая противительным союзом, способна, как описано выше, передавать также причинные и условные отношения. В определенном контексте она выражает уступительно-противительное значение ‘*хотя...*, *но*’: в обеих ПЕ описываются противоположные события, в главной части происходит событие вопреки ожиданиям. В этой конструкции обязательно наличие одного под-

лежащего (моносубъектность), ср. сочетание *хотя* с союзом *но* в уступительных структурах русского языка [Николаева, Фужерон 1999: 23]. Условно-уступительное здесь невозможно ни в реальном, ни, тем более, в ирреальном варианте; действие зависимой части всегда фактивно. Поэтому временная форма главного глагола не имеет значения, уступительно-противительное прочтение сохраняется в любом случае. Сравним:

- (10) *Зүүн* *дала-нь* *аймшагтай* *ехээр* *холо-hon*
левый лопатка-poss3 страшный много натереть-pc.pst
- aad,* *эдэг-ээ*
pcl выздороветь-pc.prs[3sg/pl]
- ‘Хотя его левая лопатка чрезвычайно сильно была натерта, но зажила’
[ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. *Хүлэг инсагаална*. 1974].
- (11) *Уншалга-яа* *үни* *дүүргэ-хэн* *aad,* *манжал-хаяа*
молебен-refl давно закончить-pc.pst pcl пить чай-pc.fut:acc
- яара-на-гүй*
торопиться-prs-neg[3sg/pl]
- ‘Хотя (он) давно закончил свой молебен, но не торопится пить чай’
[ЭКБЯ. Б. Санжин, Б. Дандарон. *Заяанай зам*. 1966].

Фактивность подчеркивается еще и тем, что появление форм сослагательного наклонения у главного глагола с зависимой частью этой структуры невозможно:

**Доржо мунгөө абаа-шье-гүй aad, ухибүүдтээ заал хаа бэлэг асар-ха хэн* —

‘Даже если бы Доржо не получил денег, он бы обязательно купил детям подарок’.

По мнению информантов, такая зависимая часть обязательно получает следующее продолжение:

- (12) *Доржо* *мунг-өө* *аб-аа-шье-гүй* *aad,*
Доржо деньги-refl брать-pc.prs-pcl-neg pcl
- ухибүү-д-т-ээ* *бэлэг* *асар-аа* *хэн*
ребенок-pl-dat-refl подарок приносить-pc.prs pcl
- ‘Доржо хоть и не получил деньги, но подарок детям принес’.

Также в отличие от других уступительных конструкций, в конструкции с *aad* временной интервал между событиями обычно

растянут (10), поэтому следующие примеры выглядят несколько странными:

*Зүүн дала-нь	аймшагтай	ехээр	холо-бошье,	эдэг-ээ
*Зүүн дала-нь	аймшагтай	ехээр	холоо-шье хаа,	эдэг-ээ

Более естественно для них продолжение типа *хордо-но-гүй* ‘не щиплет’, *үбдэ-нэ-гүй* ‘не болит’.

Уступительно-противительные конструкции со скрепами на базе служебных глаголов, образованные от дицендиального глагола *гэ-*, соединяют либо части собственно сложных предложений (бифинитные конструкции), либо текстовые отрезки. В бифинитных конструкциях чаще всего

встречается скрепа *гэбэшье*, имеющая два типа дистрибуции. Во-первых, она может располагаться в конце линейно первой части: здесь еще можно соотнести ее с уступительной деепричастной формой от глагола *гэ-* ‘говорить, сказать’:

(13)	Энэ англи	хэлэн-шинь	хүн-эй	хэлэ	ама-яа
	этот английский	язык-poss3	человек-gen	язык	рот-refl
	эбдэ-жэрхи-хээр	гэ-бэшье,	бүхы	хурагша-д-ынь	багша-яа
	ломать-intens-ps.pot	pcl	все	ученик-pl-poss3	учитель-refl
	дабта-н	дарья-на-д			
	повторять-cvb	галдеть-prs-pl			

‘Хотя (можно сказать, что) на этом их английском (языке) можно язык сломать, все ее ученики галдят, повторяя за учителем’ [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973].

В этом случае, как представляется, основа глагола говорения *гэ-* привносит дополнительный модусный компонент — подчеркивание индивидуальной интерпретации событий со стороны самого говорящего, автора текста.

Однако гораздо чаще (в соотношении 1:16) скрепа *гэбэшье* употребляется в начале линейно второй части, либо следующего отрезка текста, выражая значение ‘тем не менее, несмотря на’ (по мнению М. В. Ляпон, в русском языке уступительное зна-

чение в чистом виде выражается союзом *несмотря на то, что* и его семантически эквивалентами [Ляпон 1986: 139]). Такое употребление сходно с употреблением скрепы *тийгэбэшье* от местоименного глагола *тийгэ-*, т. е. можно предполагать лексикализацию данной формы в качестве уступительно-противительного связующего средства. Противительного — поскольку перенос скрепы в линейно вторую часть связан также с переносом логического выделения:

(14)	Тэнгэри-ин зүүн	хаяа	сай-жа	эхилэ-нхэй.	Гэ-бэшье
	небо-gen	восточный край	белеть-cvb	начинать-ps.res	conj
	холо	хара-х-ын	аргагүй	үшөө-л	
	далеко	видеть-ps.fut-gen	невозможно	еще-pcl	

бүрэнхы зандаа
темный pstp

‘Восточный край неба уже начал светать. Но, тем не менее, невозможно видеть далеко, все еще темно’ [ЭКБЯ. Г.-Д. Дамбаев. *Эжын хоер*. 1982].

Скрепы *гээ-шье хаа*, *гэ-һэн аад*, в которых прослеживается связь с глаголом речи *гэ-*, встречаются гораздо реже, форма *гэ-һэн аад* с причастием будущего времени грамматизируется в качестве противительного союзного слова.

Таким образом, в первом типе конструкций скрепа *гэбэшье* сигнализирует о присутствии субъективной интерпретации

событий, во втором — представляет собой грамматизировавшееся союзное средство выражения уступительно-противительных отношений уже на уровне текста.

Заключение. Из четырех квазисинонимических конструкций уступки деепричастная конструкция на *-бэшье* ограничена книжным стилем употребления и преимущественно выражает причинно-у-

ступительные отношения, а также подлежащее в ней выражает только 3-е лицо. Принципиально моносубъектная конструкция с *aad* акцентирована на выражении уступительно-противительных отношений с расширенным временным интервалом между событиями. Скрепка *гэбэшье* в линейно первой части конструкции, передавая уступительное значение, сохраняет модальный компонент значения 'хотя можно

сказать, что...'. К продуктивному ядру относится конструкция со скрепой *-АА-шье haa*, способная выражать как причинно-уступительные, так и условно-уступительные реальные и ирреальные значения (в зависимости от формы глагола-сказуемого в главной части). Таким образом, дифференциация квазисинонимических конструкций способствует уточнению и нормированию отношений между ними.

Сокращения

МСФ — моносубъектная фраза
РСФ — разносубъектная фраза
ГПЕ — главная предикативная единица
ЗПЕ — зависимая предикативная единица

Глоссы

V — глагол, глагольная основа
N — имя
A — прилагательное
L — лексема
NOM — неопределенный падеж
GEN — родительный падеж
ACC — винительный падеж
DAT — дательный-местный падеж
ABL — исходный падеж
INS — орудный падеж
COM — совместный падеж
SG — единственное число
PL — множественное число
PASS — страдательный залог, пассив
INTENS — интенсивное действие
SOC — совместное действие
PST — прошедшее время
PRS — настоящее время
FUT — будущее время
PCL — частица
PSTP — послелог
REFL — притяжание
POSS — личное притяжание
CVB — деепричастие
PC — причастие

Источники

ЭКБЯ — Электронный корпус бурятского языка [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 20.06.2016–24.09.2016).

Sources

[Online Corpus of the Buryat Language ('The Buryat Corpus')]. An Internet resource: [http://](http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru)

web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru (accessed: June 20, 2016 – September 24, 2019). (In Bur.)

Литература

- Амоголонов 1958 — Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 336 с.
- Апресян 2006 — Апресян В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 85–111.
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Бертагаев 1968 — Бертагаев Т. А. Бурятский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л.: Наука, ЛО, 1968. С. 13–33.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Валиева 2014 — Валиева Л. Г. Кондициональные и уступительные отношения в тюркских языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 100–104.
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Николаева, Фужерон 1999 — Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 17–37.
- Паршин 1988 — Паршин П. Б. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функциональное лексемы *хоть*) // Референция и проблемы текстообразования. Логический анализ языка. М.: Наука, 1988. С. 146–168.

- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика.* М.: Наука, 1980. 709 с.
- Теремова 1986 — *Теремова Р. М.* Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л.: Ленингр. пединститут им. А. И. Герцена. 1986. 75 с.
- Типология уступительных... 2004 — *Типология уступительных конструкций.* СПб.: Наука, 2004. 625 с.
- Урысон 2002 — *Урысон Е. В.* Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 35–54.
- Храковский 1998 — *Храковский В. С.* Теоретический анализ условных конструкций // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.
- Шувалова 1990 — *Шувалова С. А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во МГУ, 1990. 159 с.
- König 1991 — *König Ekkehard.* Concessive relations as the dual of causal relations // Semantic universals and universal semantics / D. Zafferer (ed.), Dordrecht: Foris, 1991. Pp. 190–209.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney: Academic press, 1987. 397 p.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Language Conceptualization of the World: a Case Study of Russian Grammar]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 1997. 576 p. (In Russ.)
- Khrakovsky V. S. Theoretical analysis of conditional structures. In: [Typology of Conditional Constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1998. Pp. 7–96. (In Russ.)
- König Ekkehard. Concessive relations as the dual of causal relations. In: Semantic Universals and Universal Semantics. D. Zafferer (ed.). Dordrecht: Foris, 1991. Pp. 190–209. (In Eng.)
- Lyapon M. V. [The Semantic Structure of Complex Sentences and Text: Typology of Intertextual Relations Revisited]. Moscow: Nauka, 1986. 200 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M., Fuzheron I. Some observations on the semantics and status of complex sentences with concessive conjunctions. *Voprosy Jazykoznanija*. 1999. No 1. Pp. 17–37. (In Russ.)
- Parshin P. B. Concession and anti-concession in the deontic dialogue (functioning of the lexeme *хоть* 'though'). In: [Referencing and Text Production Issues. Logical Analysis of Language]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 146–168. (In Russ.)
- Poppe N. N. [Buryat-Mongolian Grammar]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1938. 268 p. (In Russ.)
- Shuvalova S. A. [Semantic Relations in Complex Sentences and Their Expression] Moscow: Moscow State Univ., 1990. 159 p. (In Russ.)
- Teremova R. M. [Semantics of Concessiveness and Its Expression in Modern Russian]. Leningrad: Herzen Leningrad Pedagogical Inst., 1986. 75 p. (In Russ.)
- Uryson E. V. The conjunction *хоть* 'though' through the prism of semantic primitives. *Voprosy Jazykoznanija*. 2002. No. 6. Pp. 35–54. (In Russ.)
- Valieva L. G. Conditional and concessive relations in Turkic languages. *Proceedings of Voronezh State University. Ser. 'Linguistics and Cross-Cultural Communication'*. 2014. No. 2. Pp. 100–104. (In Russ.)
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: a Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p. (In Eng.)

References

- [Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)
- [Typology of Concessive Constructions]. St. Petersburg: Nauka, 2004. 625 p. (In Russ.)
- Amogolonov D. D. [The Modern Buryat language]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958. 336 p. (In Russ.)
- Apresyan V. Yu. Concessiveness as a meaning to create the system. *Voprosy Jazykoznanija*. 2006. No. 2. Pp. 85–111. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. [Types of Linguistic Meanings: Assessment, Event, Fact]. Moscow: Nauka, 1988. 341 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. The Buryat language. In: [Languages of the Soviet Peoples]. Vol. 5. Leningrad. 1968. Pp. 13–33. (In Russ.)

